

PROPAGANDISTISCHE KRIEGSLEXIK – VERSCHIEBUNG DER SPRACHNORMEN / ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ВОЕННЫЙ ЛЕКСИКОН - СМЕЩЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ

Posted on 17. März 2022 by Danil Fokin

Der vorliegende Essay ist ein Versuch, die Rhetorik der russischen Regierung der letzten Jahre und ihre Aggressivität aufzuzeigen. Der Verfasser ist russischer PhD-Student der Psycholinguistik in Polen und zutiefst bestürzt über den Krieg und das Funktionieren der Propaganda in seinem Land. #нетвойне

Der vorliegende Essay ist ein Versuch, die Rhetorik der russischen Regierung der letzten Jahre und ihre Aggressivität aufzuzeigen. Der Verfasser ist russischer PhD-Student der Psycholinguistik in Polen und zutiefst bestürzt über den Krieg und das Funktionieren der Propaganda in seinem Land. #нетвойне

Zur deutschen Übersetzung von Susanne Frank geht es [⇒ hier](#).

Es folgt der Originalartikel im Russischen.

Нападение России на Украину 24 февраля является не только нарушением международного права и суверенитета другой страны, но и свидетельством краха фундаментальных функций языка, как средства организации, коммуникации, инструмента дипломатии и договора. Начавшаяся война повергла в шок миллионы людей по всему миру. Они столкнулись с бессилием языка, с невозможностью описать и выразить доступными способами чувства от произошедшего. Оказалось, что слов недостаточно, что слова не способны исчерпать глубокие переживания, которые возникли на руинах языка-договора, языка разума.

С. Пинкер утверждал, что язык – это, в первую очередь, инструмент выражения мыслей, способ мышления. С его помощью наш мозг способен стабилизировать свою мыслительную деятельность, объяснять и анализировать и служить, тем самым, своеобразным «спасительным островом», балансиrom. Без языка наш вид, скорее всего, предался бы своим животным инстинктам, аморальному поведению и низшим потребностям. К ним относится, среди прочего, жажда человекоубийства. Язык – это эволюционный механизм сдерживания (а не ядерное оружие), который предназначен для кооперации и сосуществования.

24 февраля было бы не верно считать точкой отсчета изменений русского языка, это, скорее, апогей. Развернутая в последние годы (если не десятилетия) пропаганда стала символом лингвистической деградации, но происходила она нарастающими темпами. Деградация заключается и в подмене понятий, и в искажении смыслов, и в языковой манипуляции; а в последние недели происходит даже трансформация основ правописания в русском языке – замены кириллической «З» на латинскую «Z», символ операции в Украине. Такие замены произошли как в названиях некоторых региональных изданий и газет, так и в телеграм-канале Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций («КуZбас», «[РоскомнадZор](#)», «[Забайкальe](#)»). Помимо этого, поражает уровень языковой агрессии, невиданных прежде масштабов.

Kyjiw, Ukraine, 25. Februar 2022: Wohngebäude, das von einem feindlichen Flugzeug in der ukrainischen Hauptstadt Kiew beschädigt wurde. Mit freundlicher Genehmigung durch "Shutterstock".

«Нацизм», «денацификация», «геноцид», «истребление», «каратели», «нацистские боевики», «пожирание своих детей» (в ходе революции), и «антинародная хунта» ([2014](#), [2016](#), [2018](#), [2022](#)) – вся эта черноокрашенная, ужасная и бесчеловечная риторика обрушивалась в течении десяти лет на слушателей государственных телеканалов. Мало кто из них, к сожалению, критически осмысляет получаемую информацию. Если попытаться понять причину столь вопиющей языковой жестокости и ненавистнической лингвистической провокации, то

выявятся две цели. В принципе, они лежат на поверхности.

В первую очередь, это очевидное разжигание ненависти и вражды (статья 282 УК РФ); это пробуждение в людях «слепой ярости», в которой человек часто не способен контролировать свои поступки. У большинства жителей мира, понятия «нацизм» и «геноцид» резко негативно окрашены. Они обладают целым комплексом негативных ассоциаций, которые вызывают в сознании бесчеловечные картины преступлений фашизма. Для жителей России «нацизм» и «геноцид» — это особенно болезненные темы по известным причинам. Вторая Мировая война пришла практически в каждый дом и в каждую семью. Бесцеремонная манипуляция этими понятиями может быть нацелена только на воскрешение в сознании картин Второй Мировой войны, служить триггером негативных ассоциаций и ужасающих картин, связанных с этой войной. Мы склонны сильнее [реагировать](#) на эмоционально окрашенные понятия. Но вместе с ними в сознание проникает отравляющий контекст вокруг них. В пропаганде происходит подмена антагониста. «Мировое зло» – это уже не нацистская Германия, а Украина. И все сопутствующие контексты и репрезентации выстраиваются уже вокруг «нацистской Украины».

Преступления фашизма изучаются в школах и университетах России, его ужасы описаны во множестве книг и воспоминаний свидетелей. К сожалению, участников Второй Мировой осталось немного. Поэтому мы (как в России, так и за рубежом) сталкиваемся с тысячами «индивидуальных» представлений о нацизме. Эти представления различаются в зависимости от начитанности и глубины изучения вопроса, но сходятся в одном: нацизм – бесчеловечен, беспощаден, ужасающ. Пропаганда, взывая к таким картинам, а вместе с ними к коллективной памяти, ввергает людей в ужас. Мало кто из среднестатистических граждан «перепроверяет» понятия в поисках истинного значения слов, мало кто знает, что происходит в действительности. Как следствие, многие убеждены в правильности и необходимости военных действий, так как они направлены на уничтожение «нацистов». Пропаганда – это внушение и давление, под которое попадают неспособные к критическому взгляду на мир.

Вторая цель, которая является отчасти следствием первой – поддержание страха и подавленности населения. Такой язык бескомпромиссно атакует неспособное сопротивляться сознание. Он устрашает и пугает. Примеры последних годов: «Каратели», «националисты», «правый сектор» (2014) «нацистские боевики», «они не государство», «пожирание своих детей» (в ходе революции), «саморадикализация», «режим зверствует» (2016), «издевательства», «геноцид», «кровавые преступления», «нацики», «антинародная хунта» (2022), «мы будем брать всю Украину, полностью» (2018). Это язык силы, власти и превосходства. Из [обращения](#) В. Путина к украинским солдатам: *«Ваши отцы деды и прадеды не для того сражались с нацистами, защищая нашу общую Родину, чтобы сегодняшние неонацисты захватили власть на Украине. Вы давали присягу на верность украинскому народу, а не антинародной хунте, которая грабит Украину и издевается над этим самым народом»*. Подобные прямолинейные высказывания сложно игнорировать и не реагировать на них. Эти

понятия находятся за пределами активного лексикона большинства носителей русского языка (частотность слова «нацизм» = 2,3/млн; «хунта» = 1,3/млн; а вот слова «мир» = 714/млн). Также они лежат за пределами повседневного языкового кода носителей, который используется для коммуникации в разных обстоятельствах и разных местах. Однако, бесконечные повторения этих слов, словно мантры войне, «застревают в голове». Рано или поздно они становятся активными единицами лексикона носителя, что меняет его ментальный словарь. Помимо всего прочего, такая риторика демонстрирует «силу» и «мощь» государства. В носителе, тем самым, даже формируется уверенность в безопасности и защищенности.

Вместе с тем, по причине отсутствия этих понятий в активном лексиконе, человек поддается и подавляется этой риторикой; он не может до конца понять, что значат эти слова этимологически и как их следует использовать. Поэтому полагается только на свой имеющийся опыт, который зависит от многих факторов: широты и глубины знаний, образованности, личного отношения и семейной истории. От этого будет зависеть, например, сможет ли носитель перенести свои знания о военной хунте в [Мьянме](#) и установить, что украинская государственная система не имеет с ней ничего общего. Или, например, принять во внимание, что еврей не может быть нацистом.

Частота использования вышеуказанных понятий резко возросла в последние годы, и многие слушатели-читатели уже знают и реагируют на эти ключевые слова. Это был дальновидный план российской риторики – систематическое, градиентное увеличение агрессии и языковой атаки со всех возможных платформ. Как следствие, в России происходит формирование лингвистически созданного искусственного пространства, некоей серой зоны, в котором находятся в заложниках убежденные в правильности войны одурманенные и подавленные люди. И это пространство предельно напряжено и негативно заряжено, потому что его обитатели способны начать выражать свою ярость, пользуясь лингвистическими инструментами, дарованными им пропагандой. Ключевые слова останутся прежними, риторика не изменится.

Человечество логоцентрично. Мы живем в пределах определенных языковых кодов и используем социально стратифицированный язык. Так, например, люди в больших городах в большинстве своем говорят на языке, который не идентичен языку малых городов, ученые и преподаватели университетов говорят не на том же языке, что необразованные носители языка. Но сейчас происходит расщепление устоявшихся индивидуальных языковых норм. Происходит интервенция чуждых для повседневной речи понятий. Агрессивное внедрение инородных в своей основе, культурно и эмоционально негативно детерминированных понятий создает дисбаланс. Разрушается привычная языковая схема и, так как носителю нужно обрести успокоение в «языке как средстве мышления», ненавистнические понятия интегрируются в обыденную речь, теряя, тем самым, свое культурное, историческое и этимологическое значение для носителя. Не исключено, что вскоре, говоря о нацизме, в России будут упоминать и Германию, и Украину.

Обобщая, стоит с прискорбием сообщить, что не только война, невиданный экономический кризис, негативное отношение ко всей России, распространившееся из-за агрессивной войны, навсегда изменят, наложат отпечаток на российское общество. Изменится и язык, в который из-за беспрецедентного пропагандистского вброса войдут искаженные и переиначенные понятия. Они укоренятся в сознании людей. А после войны вместе с ними укоренятся и их негативные значения. Это ещё одна катастрофа, которая настигнет носителей русского языка, неспособных противостоять этому вбросу.

Bilquelle: <https://www.shutterstock.com/de/image-photo/kyiv-ukraine-feb-25-2022-war-2129012924>